

Ирина
Медведева-Томашевская

Ирина
Медведева-Томашевская

*Таврида:
земной Элизий*

Екатерина II, Пушкин,
Лихачёв и другие

*Предисловие
Евгения Водолазкина*

Издательство
АСТ
Москва

УДК 94(47)»17/18»
ББК 63.3(2)5
М42

Художник АНДРЕЙ РЫБАКОВ

В книге использованы фотографии и материалы из семейного архива Томашевских, фондов Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника, Государственной публичной исторической библиотеки, Центрального военно-морского музея, Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, ТАСС, агентства РИА Новости

«Редакция Елены Шубиной» выражает благодарность Ивану Цыбину за помощь при подготовке издания

Медведева-Томашевская, Ирина Николаевна.

М42 Таврида: земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачёв и другие / Ирина Медведева-Томашевская; предисл. Е. Водолазкина; предисл. М. и А. Томашевских. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 593, [15] с. — (Вокруг Пушкина).

ISBN 978-5-17-092636-7

Ирина Николаевна Медведева-Томашевская (1903–1973) — литературовед, жена пушкиниста Бориса Викторовича Томашевского. Крым был любимым местом отдыха семьи Томашевских, а Пушкин — главным в их жизни поэтом. В книге «Таврида: земной Элизий» соединились наука и поэзия: очерки на основе документальных материалов об истории полуострова с 1760-х по 1830-е годы и описание путешествия Пушкина по Крыму. Издание дополнено письмами Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

УДК 94(47)»17/18»
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-17-092636-7

- © Медведева-Томашевская И.Н., наследники
- © Водолазкин Е.Г., предисловие
- © Томашевская А.Г., Томашевская М.Н., предисловие
- © Русский музей, Санкт-Петербург, иллюстрации
- © ООО «Издательство АСТ»

Содержание

<i>Евгений Водолазкин. За Томашевскими по Крыму</i>	7
<i>Мария и Анастасия Томашевские. Гурзуф Томашевских</i>	12
Таврида. Исторические очерки и рассказы	43
За Пушкиным по Крыму	481
Избранные письма Дмитрия и Зинаиды Лихачёвых Ирине Медведевой-Томашевской в Крым (1964–1973)	581

За Томашевскими по Крыму

Слово, произнесенное в горах, отвечает тысячекратным эхом. Отзывается новыми словами, которые летят навстречу друг другу, перекликаются и взаимодействуют. Силу эха принято связывать с высотой гор и твердостью породы. Удивительное это явление можно считать метафорой культуры, в которой есть и перекличка, и высота, и твердость. Есть даже горы — если речь, скажем, идет о крымских текстах.

Эта книга посвящена теме Крыма в жизни и творчестве Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской (1903–1973), занимавшей в многоголосой русской культуре особое место. Голос Ирины Николаевны был, возможно, не самым громким, но без него история ушедшей эпохи будет неполна. К Медведевой-Томашевской были обращены голоса тех, кто эту эпоху определял. В режиме короткой справки назову лишь некоторые имена.

Борис Викторович Томашевский, выдающийся филолог, муж Ирины Николаевны. В браках, подобных этому, определение на основании семейных отношений выглядит вызывающе узким. Мне, сотруднику Пушкинского Дома, в первую очередь приходит на память семейный и научный союз Владимира Николаевича Перетца и Варвары Павловны Адриановой-Перетц, его ученицы, а впоследствии и жены. Тот нередкий случай, когда увлеченность совместным исследованием незаметно распространяется на вненаучную сферу. Дело кончается браком и двойной фамилией супруги как

символом обретенного единства. Да, муж, но не в меньшей степени — учитель, коллега и друг. Что касается учителей, то образование Медведева-Томашевская получала в золотое для петербургской (ленинградской) науки время. Имена других наставников Ирины Николаевны (в 1930 году она окончила Ленинградский институт истории искусств) также способны произвести впечатление: Г.А. Гукковский, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Л.В. Щерба, Б.М. Эйхенбаум и другие.

Александр Исаевич Солженицын. Медведева-Томашевская принадлежала к числу его тайных помощников, которых он сам называл «невидимками». Гостя у нее на даче в Гурзуфе, Александр Исаевич работал над «Красным колесом». С благословения Солженицына и при его активной поддержке Ирина Николаевна занималась проблемой авторства «Тихого Дона». Результатом этих занятий стала ее знаменитая книга «Стремя “Тихого Дона”», предисловие к которой было написано Солженицыным.

С начала 1930-х годов Медведева-Томашевская дружила с *Анной Ахматовой*. В трудное для Анны Андреевны время — после выхода ждановского постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» — она как могла помогала ей. Так, дочь Томашевских Зоя Борисовна вспоминала, как по просьбе родителей носила Ахматовой обеды.

Ахматова познакомила Ирину Николаевну с *Иосифом Бродским*. Он также был одним из гостей крымской дачи и посвятил ее хозяйке стихотворение «С видом на море» (1969). Из письма Бродского к Медведевой-Томашевской, написанного за пять лет до гурзуфского стихотворения, мы узнаем о подробностях его жизни в Норинской. Бродский завершает письмо с неподдельной нежностью: «Очень хотел бы обнять — крепко-крепко — Вас, Зою и Настика. Вы втроем и порознь — гораздо ближе мне, конечно, чем я вам».

Из всех когда-либо находивших приют на гурзуфской даче Томашевских самым почитаемым был, безусловно, Пушкин — он присутствовал там постоянно. В Крым Борис Викторович приехал как пушкинист и стоял у истоков Пушкинского музея в Гурзуфе. Пушкиным здесь дышало всё. Даже предпринимая свои дальние заплывы, Борис Викторович с дочерью Зоей попеременно читали наизусть

«Евгения Онегина». Любовь Томашевских к Александру Сергеевичу читатель этой книги сможет оценить, ознакомившись с работой Ирины Николаевны (написанной в соавторстве с Николаем Борисовичем Томашевским) «За Пушкиным по Крыму».

Была еще одна причина, заставлявшая Томашевских проводить в Крыму до полугода: туберкулез Ирины Николаевны. Они и умерли здесь (в 1957 году — Борис Викторович, в 1973-м — Ирина Николаевна), и похоронены в Гурзуфе. В настоящем издании публикуется работа Медведевой-Томашевской «Таврида», изданная в 1956 году, — может быть, ее главный подарок сказочному полуострову. Этот труд посвящен начальной истории русского Крыма. Написанный в форме исторических очерков, он рассчитан на широкого читателя. В то же время, будучи созданным блестящим и скрупулезным исследователем, не допускает разлада повествования с историческими фактами. Комментировать эту работу, пожалуй, излишне — ее нужно читать. В конце концов, комментарии к очеркам составлены самим автором.

В публикуемой книге помещены также письма Дмитрия Сергеевича Лихачёва, выдающегося историка литературы и мыслителя, состоявшего с Медведевой-Томашевской в длительной (с 1963 по 1973 год) переписке. Как человек, много лет работавший под руководством Дмитрия Сергеевича, позволю себе остановиться на этой переписке подробнее.

Первые годы Ирина Николаевна получает письма не только от Лихачёва, но и от его домашних (прежде всего, от жены Зинаиды Александровны), что описаниям ленинградских новостей придает до некоторой степени стереоскопический эффект. Говорю «до некоторой степени», потому что различие описаний — не в оценках (они почти всегда совпадают, и это о многом говорит), а в описываемых деталях.

Супруги пишут об ожидании (а затем о получении и ремонте) новой квартиры. Письма рисуют постепенное создание того уютного дома, в который я попал в середине 1980-х. Дома, где каждому гостю — независимо от пола и возраста — хозяином подавалось пальто. Здесь Дмитрий Сергеевич следовал дореволюционной еще традиции, предписывавшей уходящим гостям непременно пода-

вать пальто. Впрочем, за одним и, на мой вкус, очень симпатичным исключением: пальто нельзя было подавать начальству.

В письмах Лихачёвых нередки сетования на частую смену домработниц (причины — от удаленности места их жительства до проявившегося психического нездоровья). Но бытом содержание писем, разумеется, не ограничивается.

Время от времени в них проскальзывает упоминание о «нашем друге» или, по-диккенсовски, о «нашем общем друге». Речь здесь идет о Солженицыне. Как известно, Дмитрий Сергеевич был в числе тех, на чьи воспоминания Александр Исаевич опирался, создавая «Архипелаг ГУЛАГ».

Лихачёв подробно описывает академическую жизнь: дирижирование выборами в Академию наук (за пультом — академик М.Б. Храпченко, спустя несколько лет собиравший подписи под антисахаровским письмом), назначение директора Пушкинского Дома и двух его заместителей («Все лица с раздувшейся печенью, а последние два — тупые»). Оговорка Дмитрия Сергеевича относительно того, кому нельзя подавать пальто, судя по всему, была для него принципиальной.

Много сказано о любимом Лихачёвым Отделе (тогда — Секторе) древнерусской литературы, в котором я имею честь служить до сих пор. О той помощи, которую оказывал Дмитрию Сергеевичу его заместитель и друг Лев Александрович Дмитриев. Здесь можно снова вспомнить об эхе, а также о трех рукопожатиях, которые, как известно, связывают всех со всеми. Семья Дмитриевых неоднократно гостила у Ирины Николаевны в Гурзуфе. Лихачёв с удовольствием отмечал, что возвращались они отдохнувшими и посвежевшими.

Спустя годы именно Дмитриевы познакомили меня с семьей Томашевских в лице Николая Борисовича, сына Бориса Викторовича и Ирины Николаевны. Погожим майским днем лет тридцать назад мы с коллегами посещали могилу замечательного собирателя и исследователя древнерусских рукописей пушкинодомца Владимира Ивановича Мальшева. После кладбища заехали к Дмитриевым, приготовившим поминальный стол. Присутствие сына великого Томашевского, который существовал в моем сознании исключительно в филологическом пантеоне, произвело на меня неизгладим-

мое впечатление. Единственным, на что я мог отважиться в диалоге с Николаем Борисовичем, были вопросы: на высказывание я тогда благоразумно не решился. Заметив вопросо-ответный характер нашей беседы, Лев Александрович одобрительно кивнул: «Спрашивай, Женя, спрашивай — Коля тебе на многое ответит». И Николай Борисович, известный литературовед и переводчик, преподаватель Литературного института, отвечал. Помню, что, среди прочего, я спросил у него, можно ли «выучить на писателя». «На первой же лекции в Литинституте, — отвечал Николай Борисович, — я говорю своим студентам, что не знаю, как надо писать. Если бы я знал это, то написал бы “Войну и мир” — и послал их к чертовой бабушке. Но я знаю другую, не менее важную вещь — как не надо писать. И это я постараюсь им объяснить».

Некоторые вещи всё же остаются труднообъяснимыми. Как среди тоталитарного морока, ставшего фоном повседневной жизни, могли сохраниться эти семейные ковчегии? Что их держало на плаву — осознание того, что в конечном счете человек сильнее обстоятельств? Ответ вроде бы верный, но слишком уж общий. В жизни, как и в литературе, понимание приходит через детали: носили обеды, читали наизусть «Евгения Онегина», называли друг друга на «Вы». Писали достойные книги. Читателю предлагается одна из них.

Евгений Водолазкин

Гурзуф Томашевских

Благословенная Таврида. Крым — полуостров, где не просто можно прекрасно купаться в Черном море летом, бродить по горам осенью, делать из крымских вин согревающий глинтвейн зимой или любоваться цветением диких тюльпанов весной. Для многих Крым — это образ жизни. Жизни, которая кардинально отличается от той, к которой мы привыкли в Москве или Петербурге. Для нашей семьи Крым — второй дом, вторая родина, где мы бывали месяцами, а наша бабушка — Ирина Николаевна Медведева-Томашевская, чью книгу вы держите в руках, вообще жила с весны до глубокой осени и возвращалась в Ленинград уже ближе к 29 ноября, дню рождения мужа, когда снег повсюду начинал кружить над Невой. Девчонками мы были насквозь пропитаны крымским солнышком, солью Черного моря и горьким запахом полыни и чабреца, о котором Николай Заболоцкий, посвятивший Крыму немало прекрасных строк, говорит в стихотворении «Над морем»:

Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня — и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.

Этот «прижатый к поверхности горы» дом, где поэт гостил в 1956 году, принадлежал семье Томашевских. Дом действительно

прижат к одному из гурзуфских холмов Болгатуру, и прямо перед ним растет высоченный кипарис, — если смотреть издали, особенно с моря, кажется, что он перерезает дом пополам. Впрочем, тут уместнее прошедшее время: в последние два-три десятилетия всё вокруг застроили так, что дом Томашевских попросту не виден. В скобках заметим, что лишь в конце 1990-х годов из разговора с Никитой Николаевичем Заболоцким выяснилось, что упомянутые в заключительных строках стихотворения дети («...здесь собирают дети / Чабрец, траву степей, у неподвижных скал») — это престарелые уже авторы данной статейки.

Глава нашей семьи, наш дед, Борис Викторович Томашевский (1890–1957) вошел в историю отечественного литературоведения как выдающийся пушкинист, один из основоположников научной текстологии, автор трудов по теории литературы и стихосложению, получивших признание далеко за пределами нашей страны. Человек чрезвычайно образованный и разносторонний, он окончил математический факультет Электротехнического института в Льеже (Бельгия), откуда регулярно ездил в Сорбонну слушать лекции по истории искусства и литературы. В 1920-х он уже сам читает лекции в Петроградском институте истории искусств, пишет работы по стихосложению, текстологии, различным аспектам творчества Пушкина, участвует в подготовке новых изданий русских классиков. Эта активная работа прерывается в конце 1920-х, когда Томашевского и его единомышленников объявляют «формалистами» и отлучают от редакционно-издательской деятельности. Борис Викторович вынужден вернуться к прежней специальности — преподавать математику. В советское время теоретические труды Томашевского почти не издавались, сейчас они издаются вновь, и его «Теория литературы» вошла в серию «Классический учебник».

Возвращению же к литературной работе помогла столетняя годовщина смерти Пушкина, когда было предпринято грандиозное академическое собрание сочинений поэта, и Томашевский был привлечен к участию в его подготовке. В творчестве Бориса Викторовича Пушкину принадлежит центральное место. Среди его работ о Пушкине есть текстологические, стиховедческие, лингвистиче-

ские, историко-литературные, он писал о рисунках Пушкина, о Пушкине в изобразительном искусстве.

Итогом, синтезом всех пушкиноведческих интересов, штудий, раздумий Бориса Викторовича должна была стать монография «Пушкин», не завершенная, но ставшая, по словам Анны Ахматовой, пушкиноведческой классикой. Смерть застала его в разгар работы над этой книгой.

Борис Викторович Томашевский умер 24 августа 1957 года в Черном море. Не утонул. Он не раз говорил: «Человек, умеющий плавать, никогда не утонет». Во время утреннего купания, которое он очень любил («Самое счастливое — это когда я плыву навстречу солнцу»), у него случился обширный инфаркт, как тогда говорили, разрыв сердца, приведший к мгновенной смерти. Он остался лежать на воде, и тело подобрал рыбацкий баркас, возвращавшийся с утреннего лова.

Понятно, что Пушкиным была проникнута атмосфера дома Томашевских в так называемой писательской надстройке (дом № 9 по каналу Грибоедова в Ленинграде), где жили также Заболоцкий, Зощенко¹, Каверин, Шварц и многие другие люди, оставившие заметный след в нашей литературе. Даже составляя свою обширную библиотеку, Борис Викторович стремился собрать в ней всё, что читал — или мог читать — Пушкин. И кто знает, не влиянием ли Пушкина объясняется глубокая привязанность Томашевского и всей его семьи к полуострову, с которым связана значительная часть их жизни. Во многом именно усилиями Бориса Викторовича в 1938 году был открыт пушкинский музей в Гурзуфе, в доме, где поэт, путешествуя вместе с семьей Раевских по югу России, провел в 1820 году три недели. Во время Великой Отечественной войны музей был эвакуирован и на пятьдесят лет прекратил свое существование: в парке, где он находится, разместился санаторий для сотрудников аппарата Совета министров СССР и доступ туда для простых смертных был закрыт. Музей был вновь открыт в 1989 году, а в хлопотах по его восстановлению деятельное участие принял уже Николай Борисович Томашевский. Кстати, Борису Викторови-

¹ Ныне в квартире писателя организован его музей.

чу удалось отстоять название Бахчисарай, который на волне переименований, охвативших страну в связи со столетием гибели поэта, планировалось сделать Пушкиным. «Как тогда мы будем называть “Бахчисарайский фонтан”?» — спрашивал Борис Викторович.

Об Ирине Николаевне Медведевой-Томашевской без преувеличения можно сказать, что она отдала Крыму — особенно Гурзуфу — свою душу и сердце. В сфере ее научных, творческих интересов Крыму принадлежало одно из главных мест. В 1946 году в издательстве Крымиздат вышла ее небольшая по объему книжка «Русская Таврида». Это сборник исторических очерков — от первых походов русских князей к Черному морю до «времен очаковских и покоренья Крыма», т.е. с IX по конец XVIII века. Десятью годами позже в Ленинграде увидела свет предлагаемая вашему вниманию «Таврида», любимое детище Ирины Николаевны. Эта книга, объемом значительно превосходящая первую, является своего рода продолжением ее и охватывает период с 60-х годов XVIII по первую треть XIX века. Хотелось бы обратить внимание читателя на слова Ирины Николаевны из предисловия к «Тавриде»: «Не описание доблести русского оружия составляет цель данной книги, а рассказ о победах русской культуры, о цивилизующей роли России на Черном море». Как видим, это в высшей степени органично вписывается и в контекст современных культурно-политических реалий.

Родилась Ирина Николаевна в Женеве, где учились, а заодно занимались революционной деятельностью ее родители, Николай Иванович Блинов и Елизавета Максимовна Калиновская. Понятно, что в советские времена место рождения изрядно портило анкету Ирины Николаевны, хотя уже в четырехмесячном возрасте она переехала с родителями в Житомир. Отец ее, Николай Блинов, русский дворянин, организовавший в Житомире дружину по защите евреев, был убит во время одного из погромов 17 апреля 1905 года, ему было двадцать шесть лет. Несколько лет назад в университете израильского города Ариэль в его память была установлена стела. Фамилию Медведева Ирина Николаевна получила в первом браке с Михаилом Медведевым. Брак этот не был продолжительным, но фамилию она сохранила до конца жизни.